

С.М.Третьяков Вместе с Маяковским

Обычно мы с Маяковским писали так - я заготавливал стихотворение вчерне, и затем, прослушав его, он делал свои исправления, а то и брал домой для того, чтоб вставить целые строфы. Сейчас через тринадцать лет вспоминаются лишь частности, в целом же работа была так тесно переплетена, что отделить трудно. Следить за тем, что он поправит, имело двойной интерес - это была и корректура неоспоримого мастера, у которого я учился законам агит- и рекламстиха, а с другой стороны, здесь увлекало наблюдение за тем, как то или иное поэтическое задание оформляет поэт иного склада, чем ты сам.

Сейчас, конечно, трудно точно воспроизвести все поправки Маяковского, но кое-какие, поразившие в свое время воображение своей неожиданностью и верностью, остались в памяти.

"Новый хозяин в рабочей кепке",- написал я в "Рассказе про то, как узнал Фадей закон, защищающий рабочих людей".

"Новый хозяин - рабочий в кепке",- исправил Маяковский мой метафорический оборот на плакатно однозначный и недвусмысленный.

Я писал:

Пропорол рабочий хозяйский жилет,
пригвоздив штыком на нужное место.

Художник-плакатист, знающий цену рядом положенным чистым пятнам краски, Маяковский исправил "пригвоздив" на "пригвоздил".

У меня было:

Во всякой нужде, всякой беде
помощи лучшей не найдешь нигде.

Маяковский переделал:

Во всякой беде,
во всякой невязке
в завком направляйте шаг пролетарский.

У меня было по пункту о прозодежде написано:

Свою на заводе не стану трепать я,
Подавай, союз, рабочее платье.

Маяковский поправил:

Подавай союз - спецодежду-платье ¹.

У меня было о "Кодексе законов о труде":

А под этой книжкой подпись: Калинин.

Маяковский уточнил:

А при нем (кодексе) закон и надпись - Калинин.

Ломка привычной поэтики и литературной фразы в интересах наибольшей ясности и недвусмысленности для читателя вещи, облик, словарь и стиль которого все время вел творческую мысль поэта,- вот что запомнилось мне из этой работы с Маяковским.

Добавлю, что заглавия для совместных работ сделаны Маяковским.

Когда я принес Маяковскому реклам-поэму о "Климе из черноземных мест, про Всероссийскую выставку и Резинотрест", написанную мной в стиле его агитки о том, "Как кума о Врангеле толковала без всякого ума" - вещь ему очень понравилась. Он хвалил ее парадоксально-гиперболические, а также частушечные места:

Лошадь, а не кура.

В это время дождь пошел
в руку толщиной.

Без галош тяжело ж!

Каплет с носа, каплет с уха,
а в галошах всюду сухо.

Каплет с уха, каплет с носа,
а галошам нет износа.

Эта трубка не простая,
а отнюдь клистирная.

Не гребенка, а краса,
вся из каучука.
Я гребенкой волоса
виться научу-ка.

Припоминаю некоторые исправления Маяковского:

тут и фруктов глянец

он изменил на:

тут и фрукты в глянце.

У меня:

Видит - выводок вещей
марки "Треугольник".

У Маяковского:

Видит:
выводок вещей
с маркой треугольной.

У меня:

тут тебе и малый мяч,
и большой футбольный.

У Маяковского:

красный мяч, да пестрый мяч,
и большой футбольный.

Когда я ему читал строфу:

Из корзины Клим берет
разные игрушки.

Маяковский, чем-то отвлекшись, спросил вдруг - "Что берет?"

"Разные игрушки",- повторил я строку. Но на реплику уже пришли строки:

Из корзины
Клим
берет...
Что берет?
Игрушки.

У меня было:

Хороша машина,
новенькая шина.

Маяковский исправил:

Хвастаясь машиною,
гонит новой шиною.

Но особенно запомнилось, как Маяковский работал над вторым и третьим вступительными четверостишиями, которые мне не дались. Рифма заела: "Выставка" - "Сельскохозяйственная" - "Всероссийская". Помню написалось вроде:

Сердце, радость выстукай,
звонче лейтесь речи.
... сельской выставкой

на Замоскворечьи.

И еще были строки:

век нигде не выискать
и... всероссийская.

Маяковский забраковал первые строки, в особенности же вторую насчет речей, которая явно была пристегнута для рифмы.

Работали мы в его кабинете на Водопьяном переулке. Был тут и Асеев. Маяковский не шел ни на какие легкие варианты, где труднорифмующиеся слова засовывались бы в середину строки.

Он ходил по комнате, бормоча рифмы, напоминая то "аиста", то "свиста", и произнес найденные им две заключительные строки:

Это дело не простое,
дело всероссийское.

Он, рвякая, браковал предложения мои и Асеева. Так длилось полчаса, час. Он уже носился по комнате бурей. Асеев сдался, лег на диван. Иногда, найдя четверостишие, Маяковский выбегал в соседнюю комнату, где были гости, и читал найденное. Оно было остроумно, но к стихотворению не подходило.

Прошло полтора часа. Я тоже выбыл из строя. Но Маяковский, чем больше ускользала от него строфа, тем азартнее он старался ее одолеть. Он вдруг повернул найденное им двустишие на несколько градусов:

Сразу видно - не простая,
Всероссийская,

И прочел его начало:

В небесах
моторов стая,
снизу -
люди, тискаясь.

И через несколько минут шагания, прочел, торжествуя, первую строфу, которая и меня и Асеева поразила неожиданностью своего решения, полнотонностью и большой зримостью:

Кумача казистого
пламя улиц за сто:
первая из Выставок
сельского хозяйства.

Примечания

Третьяков Сергей Михайлович (1892-1939) - писатель, один из основных участников группы Леф. В 1923 г. им совместно с Маяковским были написаны

агитпоэмы: "Рассказ про то, как узнал Фадей закон, защищающий рабочих людей" и "Рассказ про Клима из черноземных мест, про Всероссийскую выставку и Резинотрест".

Воспоминания впервые опубликованы в газ. "Литература и жизнь", М. 1960, 1 апреля. Печатаются по рукописи (БММ).

¹ Во всех изданиях агитпоэмы эта строка читается:

подавай завод -
спецодежду-платье.

Вероятно, неточность в цитате - ошибка памяти мемуариста.